

BUILDING, DWELLING, THINKING

Martin Heidegger (a)

(a) University of Freiburg. Fahnbergplatz, 79085 Freiburg im Breisgau, Germany.
Email: noname[at]noname.com

Translation: Daria A. Kolesnikova. St. Petersburg State University. 7/9 Universitetskaya emb., St. Petersburg, Russia, 199034. Email: daria.ko[at]gmail.com

Abstract

The translation has been done from the edition: Heidegger M. (1997). *Vorträge und Aufsätze*. Neske Verlag Stuttgart, 120–180. The translator's punctuation is retained in the text.

Keywords

Heidegger; translation; construction; residence thinking; essay

This work is licensed under a [Creative Commons «Attribution» 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

СТРОИТЕЛЬСТВО ЖИТЕЛЬСТВОВАНИЕ МЫШЛЕНИЕ

Хайдеггер Мартин (а)

(а) Фрайбургский университет. Fahnbergplatz, 79085 Freiburg im Breisgau, Германия.
Email: noname[at]noname.com

Перевод и примечания: Колесникова Дарья Алексеевна. ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет». 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб. д. 7.
E-mail: daria.ko[at]gmail.com

Аннотация

Перевод выполнен по изданию Heidegger M. (1997). *Vorträge und Aufsätze*. Neske Verlag Stuttgart, 120–180. В тексте сохранена пунктуация переводчика

Ключевые слова

Хайдеггер; перевод; строительство; жительство; мышление; эссе

Это произведение доступно по [лицензии Creative Commons «Attribution» \(«Атрибуция»\)](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)
4.0 Всемирная.

I

В нижеследующем мы попытаемся помыслить жительство¹ и строительство. Это размышление о строительстве не ставит задач открытия архитектурных идей или описания правил строительства. Этот мысленный эксперимент не рассматривает строительство с точки зрения архитектурного мастерства или инженерного искусства; но возвращает строительство обратно в область, к которой принадлежит все, что *есть*.

Мы спрашиваем:

1. Что такое жительство?
2. Как строительство соотносится с жильем?

К жилью, как кажется, можно подступиться только через строительство. Строительство, имеет своей целью жительство. Тем не менее, не каждое здание является жилищем. Мост и аэропорт, стадион и электростанция являются зданиями, но не жилищами; железнодорожный вокзал и автобан, плотина и рынок – тоже здания, а не жилища. Тем не менее, эти здания находятся в сфере нашего жилья. Эта область простирается за пределы этих зданий и не ограничивается только жилищем. Дальнобойщик – дома на шоссе, но у него нет там жилища; работница – дома на прядильной фабрике, но там нет ее жилища; главный инженер чувствует себя как дома на электростанции, но он там не обитает. Перечисленные здания приючают (*behausen*)² человека. Он обживает их, но все же не живет в них, если под жильем мы подразумеваем обретение убежища. В условиях сегодняшнего дефицита жилья это уже успокаивает: жилые дома действительно предоставляют убежище. Современные дома могут быть даже хорошо спланированы, просты в обслуживании, привлекательны, доступны, с хорошей вентиляцией и освещением. Но гарантируют ли они, что там имеет место *жительство*? Но даже те здания, которые не являются жилищами, определяются через жительство, поскольку они служат человеческому жилью. Таким образом, жительство в любом случае будет целью любого

¹ Понятие *Wohnen* переведено как «жительство», так как оно наиболее полно отражает процесс повседневного бытия в мире, в области обывденного. (Прим. переводчика)

² Мы сочли необходимым привести в оригинале некоторые слова, для которых нет прямых эквивалентов в русском языке, здесь и далее они выделены курсивом и заключены в скобки. Во всех остальных случаях курсивное выделение принадлежит автору эссе. (прим. переводчика).

строительства. Жительствование и строительство связаны друг с другом как цель и средство. Но до тех пор, как мы таким образом воспринимаем жительствование и строительство, мы принимаем их за два различных рода деятельности, пребывая в уверенности, что это правильно. Но когда мы используем эту схему «цель-средство», мы не видим других существенных отношений. Строительство – это не просто средство, а способ жительствования, строительство уже само по себе является жительствованием. Кто скажет нам об этом? Кто даст нам эталон, с помощью которого мы сможем измерить сущность жительствования и строительства?

Утверждение сущности вещи приходит к нам из языка, при условии, что мы уважаем его собственную сущность. Между тем, по всей Земле бушует необузданная, но заумная речь, записанная и отправленная говорящим. Человек ведет себя так, как будто *он* был создателем и хозяином языка, в то время как на самом деле *язык* остается хозяином человека. Возможно, вызванное человеком искажение *этих* отношений господства ведет его природу к отчуждению. Хорошо, что мы все еще заботимся о языке, но это не помогает, если мы относимся к языку просто как средству выражения. Среди всего, что мы, люди, можем привнести с собой в речь, язык самый значимый и всегда первостепенный.

Что же тогда означает строительство? Древневерхнемецкое слово “*buan*”, соответствующее строительству (*bauen*) – значит проживать. Это означает: оставаться на месте. Истинное значение глагола строить, а именно проживать, было потеряно для нас. Но скрытый след этого сохранился в немецком слове “*Nachbar*”, сосед. Сосед является “*Nachgeburt*”, “*Nachgebauer*” – дословно ближний житель, тот, кто живет поблизости. Глаголы *buri*, *büren*, *beuren*, *beuron* обозначают жительствование, поселение. Таким образом, древневерхнемецкое слово *buan* не только напрямую указывает нам, что строить – это значить жительствовать, но и дает ключ к пониманию того как мы должны думать о производном от него – жительствовании. Когда мы говорим о жительствовании, мы обычно представляем деятельность, которую человек выполняет наряду со многим другим видам деятельности. Мы работаем здесь и живем там. Мы не просто живём, это было бы фактически бездействие, мы делаем дело, мы работаем, мы путешествуем и между тем жительствоуем, то здесь, то там. Строительство изначально означает жительствование. Где бы ни употреблялось слово строительство, оно все еще несет свой первоначальный смысл, и оно также говорит о том, *как далеко* простирается сущность жительствования. Слова *bauen*,

buan, bhu, beo – воплотились в немецком глаголе “bin”, быть; в выражениях “ich bin”, “du bist” и императивных формах bis, sei. Что это значит: ich bin, я есть? Через старонемецкое слово bauen, от которого произошло “bin”, мы находим ответ: “ich bin”, “du bist” действительно означает: я живу, ты живешь. То, как ты и я, то, как мы, люди на Земле существуем – это и есть Buan, жительствоование. Быть человеком: значит быть смертным на земле, значит: жить. Старонемецкое bauen, которое указывает на то, что человек должен *быть* постольку, поскольку он *жительствоует*, означает *одновременно*: сохранять, заботиться, в частности: возделывать поля, культивировать виноградные лозы. Такое строительство означает только охранять рост, приносящий плоды. Строительство в значении возделывания и ухода – это не производство. Строительство кораблей и храмов, с другой стороны, является определенным способом производства. Строить в этом случае, в отличие от культивирования, означает возведение. Оба способа строительства – строительство как культивирование, латинское colere, cultura и строительство как возведение зданий, aedificare – включены в действительное строительство – жительствоование. Строительство как жительствоование, то есть существование на Земле – это “Gewohnte”¹ привычно-обжитое, обычное, что разумеется само собою настолько, что даже вовсе и не замечается. По этой причине строительство уступает множественности способов, которыми осуществляется жительствоование, в том числе деятельности по выращиванию, уходу и культивированию. Однако, в конце концов, эти действия претендуют называться строительством и, вместе с этим, единолично утверждать факт строительства. При этом истинный смысл строительства, а именно жительствоование, теряется в забвении.

На первый взгляд это событие выглядит так, как будто это не более чем изменение значения простых слов. В действительности, однако, в этом процессе скрыто нечто решающее, а именно: жительствоование не воспринимается как житие человека; и в последствии жительствоование перестает считаться характерной чертой человека.

Свидетельство исконных значений проявляется в том, что язык убирает фактическое значение слова строительство, которым является жительствоование; поскольку в основных словах языка разговорные значения занимают место истинных значений, которые легко

¹ В немецком языке есть очевидная связь между wohnen (жить, проживать) и gewohnt (обжитой, привычный). (Прим. переводчика)

забываются. Человек едва ли задумывался о секрете этого процесса. Язык скрывает от человека свою простую и высокую речь. Но эта первичная речь языка не становится немой; она просто умолкает. Человек, однако, не обращает пристального внимания на это молчание.

Но если мы внимательно послушаем, что говорит язык в слове *bauen*, мы услышим три вещи:

1. Строительство действительно является жительствованием.
2. Жительствование – это способ, которым смертные существуют на земле.
3. Строительство как жительствование разворачивается в строительство, которое культивирует и выращивает, и строительство, которое возводит здания.

Если мы подумаем об этих трех положениях, мы получим подсказку и заметим следующее: до тех пока мы не вспомним, что каждое здание, в сущности, является жилищем, мы даже не сможем надлежаще *спросить*, не говоря уже о том, чтобы правильно решить, что значит строить. Мы не живем потому, что мы построили, но мы строили и строим, потому что живем, то есть, потому что мы являемся *жителями*. Но в чем же заключается сущность жительствования? Давайте послушаем еще раз, что говорит нам язык: старосаксонское слово “*wunon*” и готское слово “*wunian*”, как и старонемецкое *bauen*, означают оставаться на месте. Но готское слово “*wunian*” более отчетливо говорит о том, как это пребывание на месте проживается. *Wunian* означает: быть в мире, быть довольным, привести к миру, оставаться в мире. Слово *Friede*, означает свободный, *Frye*, а *fry* означает: сохраненный от зла и угроз, защищенный. Глагол *freien* – означает, собственно, щадить, хранить. Этот процесс щажения (*Schonen*), однако, не значит, что мы просто не причиняем вреда тому, кого мы щадим. Истинное щажение – это когда происходит нечто *положительное*, когда мы упрятываем нечто в его собственную сущность, когда мы освобождаем и возвращаем его в мир, в соответствии с истинным смыслом слова *freien*. Жить, то есть быть введенным в замирание, значит оставаться в ограде мира, это означает быть отпущенным на свободу, какая щадит-хранит всякое, упрятывая каждое в его сущность. *Основная черта жительствования проявляется в щажении*. Щажение пронизывает жительствование во всей его протяженности. Этот горизонт открывается нам, как только мы размышляем о том, что в жительствовании заключается бытие человека, а именно, в пребывании смертных на Земле.

Но «на земле» уже означает «под небом». И то, и другое означает также *совместность* «пребывания перед божественным» и включает «принадлежность друг к другу». К *первичному* единству принадлежат четыре (*die Vier*): земля и небо, божественные и смертные.

Земля, служащая носительница, цветущая подательница плодов, раскинувшаяся в камнях и потоках, плодящая всходы и зверье. Говоря – земля, мы от одно-сложенности четырех мыслим тем самым уже и других трёх.

Небо – это путь солнца в облаках, изменчивое движение луны, блуждающий блеск созвездий, времена года, их смена, свет и сумерки дня, мрак и прозрачность ночи, погода и непогода, облака и голубая глубина эфира. Говоря – небо, мы из одно-сложенности четырех мыслим тем самым уже и других трёх.

Божественные – посланцы божества, что подают знак. Изнутри священного владычества божественных являет свое настоящее Бог или удаляется в свое сокрытие. Мы говорим божественные, и мыслим тут же остальных трёх через одно-сложенность четырёх.

Смертные суть люди, их называют смертными, поскольку только они могут умирать, умирать – это значит осилить смерть *как* смерть. Умирает только человек, умирает постепенно, пока он остается на земле, под небом и перед божественными. Говоря – смертные мы из одно-сложенности четырех мыслим тем самым уже и других трёх.

Это “одно-сложенное единство” (*Einfalt*) мы называем *четверицей* (*Das Geviert*). Смертные *существуют* в четверице, где они *жительствоуют*. Но основная черта жительствоования – это щажение. Смертные жительствоуют так, чтобы щадить-хранить четверицу в ее сущности. Соответственно, жительствоующее щажение – четверо-сложено (*vierfältig*).

Смертные жительствоуют, спасая землю; здесь используется устаревшее значение глагола *retten*, известное еще Лессингу. Спасти – значит не только защитить от гибели, спасти значит на самом деле: вернуть что-либо его существу, успокоить, отпустить на свободу. Спасти землю – это больше, чем использовать или изнашивать ее. Спасение земли не равносильно овладению или подчинению, откуда лишь один шаг до безграничной эксплуатации.

Смертные жительствоуют, воспринимая небо как небо. Они предоставляют светилам идти своим чередом, они не стараются сделать погожей непогоду и наоборот, они не превращают день в ночь, а ночь в день.

Смертные жительствоуют в той мере, в какой они ожидают божественных как божественных. Смертные живут в той мере, в какой они, будучи смертными, ведут способность умереть к благой смерти, а не к пустому исчезновению и не к бессмысленной задержке в земном пребывании. Они не создают себе богов и не поклоняются идолам. В самой глубине несчастья они ждут отозванного спасения.

Смертные жительствоуют в той мере, в какой они управляют своей сущностью: тем, что они способны осилить смерть как смерть и они могут использовать эту возможность, чтобы иметь благоую смерть. Быть смертным не значит избегать смерти, но это значить уже при жизни принимать смерть как хранилище Ничто; это также не значит, что нужно омрачать жительствоование, вслепую бредя в ожидании конца.

В спасении земли, в восприятии неба, в ожидании божественных и в направлении своей жизни к смерти сбывается жительствоование как четверо-сложенное щажение четверицы. Щадить означает: укрывать, брать под кров (*hüten*) четверицу в её сущности. То, что укрыто, должно быть надежно защищено. Если жительствоование щадит четверицу, где же хранит оно ее сущность? Каким образом смертные претворяют жительствоование в это щажение? Смертные никогда не были бы способны на это, если бы жительствоование было бы просто местопребыванием на земле под небом, перед божественными, вместе со смертными. Жительствоование – это, напротив, всегда уже местопребывание при вещах. Жительствоование как щажение, удерживает четверицу там, где проживают смертные: в вещах.

Однако, пребывание при вещах, называемое четверицей щажения не является чем-то пятым. Напротив, пребывание при вещах является единственным способом, каким четверичное обитание последовательно свершается в четверице. Жительствоование вносит сущность четверицы в вещи, которые хранятся-щадятся, оставляемые, как вещи, в покое — в их сущности. Но сами вещи укрывают четверицу *только тогда*, когда они сами, *как* вещи, отпущены в своей сущности. Как это происходит? Это проявляется в том, как смертные возделывают и культивируют растения, или в том как они изготавливают вещи. Возделывание и возведение – это строительство в узком смысле. *Жительствоование*, поскольку оно сохраняет четверицу в вещах, является сохранением *строительства*. И это подводит нас ко второму вопросу:

II

Как строительство соотносится с жительствованием?

Ответ на этот вопрос прояснит для нас понимание строительства, мыслимое из сущности жительствования. Рассмотрим строительство в значении возведения вещей и зададимся вопросом: что такое построенная вещь (*ein gebautes Ding*)? Мост может служить примером для наших рассуждений.

Мост «легко и мощно» возносится над рекой. Мост не просто соединяет два берега. Собственно, берега и становятся берегами только, когда мост образует переход. Мост позволяет берегам лежать друг против друга, подчеркивая специфическое своеобразие – различия двух берегов. Берега также не тянутся вдоль течения реки, как равнодушные пограничные полосы суши. Мост оборачивает к потоку реки один из берегов, а другой к просторам ландшафта, лежащего за ним. Это приводит поток, берег и землю к взаимному соседству. Мост *собирает* окрест речного потока землю как ландшафт. Таким образом, он направляет поток через луга. Опоры моста, покоящиеся в русле течения, несут размах арок сводов, которые позволяют водам реки течь своим чередом. Воды могут бродить под мостом тихо и весело, либо небесные потоки вод от штормов или таяния снега могут обрушиваться и пролетать мимо опор моста, но мост готов к погодным условиям неба и его неустойчивой природе. Даже там, где мост перекрывает поток на мгновение, он удерживает его до неба, а затем снова пропускает потоки воды через арки шлюзов, освобождая их.

Мост позволяет потоку выбирать свое русло и в то же время предоставляет смертным их путь, чтобы они могли идти от одной земли к другой. Мосты ведут нас разными путями. Городской мост ведет от замка к соборной площади, речной мост за городом доставляет лошадей и телеги в окрестные деревни. Неприметная переправа через ручей в виде старого каменного моста дает повозке с лесом возможность проехать до деревни. Автодорожный мост привязан к сети максимально быстрого междугороднего трафика. Мост пересекает реку и ручей, в высоких и низких арках; помнят ли смертные об этом изгибе пути моста или забывают, что они всегда находятся на пути к последнему мосту, стремясь преодолеть грешное и нечестивое в себе, чтобы предстать перед святостью божественного. В том переходе, который совершает смертный, мост соединяет землю с небом. Мост *собирается* как переход к божественным. Независимо от того, является ли присутствие божественного особенно узнаваемым

и видимым, как отражено в фигурках святых на мостах, или напротив след их присутствия замаскирован и скрыт.

Мост *по-своему собирает* вокруг себя землю и небо, божественных и смертных. Наш язык именуется собрание в его сути одним старым словом “thing”¹. Мост – это вещь – как вышеупомянутое собрание четверицы. Мост – изначально и в сущности всего лишь мост, а дополнительно к этому и по особому случаю он, как принято думать, может выражать и что-нибудь ещё. Мост становится символом, например, всего, что было названо ранее. Мост не является символом в том смысле, что он изначально не выражает то, что, ему не соответствует. Если мы будем говорить конкретно о мосте, он никогда не проявится как метафора. Мост – это вещь и *только*. Но только ли? В качестве вещи он собирает четверицу.

Наше мышление, конечно, давно привыкло *преуменьшать* сущность вещи. В ходе развития западного мышления это привело к тому, что вещь представлена в виде неизвестного X, к которому прикреплены воспринимаемые свойства. С этой точки зрения, все, что уже относится к *собирающей сущности этой вещи*, кажется нам деталью, которая может быть истолкована второстепенно. Однако мост никогда не был бы просто мостом, если бы не вещь.

Конечно, мост – это вещь *своего* рода; потому что мост собирает четверицу *таким образом*, что допускает *определенное место* (*eine Stätte verstatet*). Но только то, что *само* является *местом* (*Ort*), может вмещать определенную область мест. До того, как появился мост, места еще не было. Конечно, до появления моста был поток реки, текущий среди множества участков, которые могли быть заняты чем-то. Но лишь один из этих участков стал местом и произошло это *из-за моста*. Таким образом, не мост возникает на каком-то месте, а место возникает только с появлением моста. Мост – это вещь, которая собирает четверицу, и делает это таким образом: предоставляя ей определенное место. Исходя из этого, месторазмещения определяют места и пути, которыми простирается пространство.

Только те вещи, которые являются местами в этом смысле – допущены в пространства. Что означает это слово – «пространство» – сокрыто в исконном значении немецкого слова. Raum, Rum означает площадь, очищенную для поселения. Пространство – это что-то освобожденное, допущенное в границу, греческого *περας*. Граница – это не то, где что-то прекращается, но как определяли ее греки, она есть то, где что-либо *начинает свою сущность*. Отсюда понятие

¹ Немецкое слово *Ding* (вещь) происходит из древненем. *thing* — тинг, народное собрание, вече, публичный процесс, дело (прим. переводчика).

огισμόβ, что означает границу, горизонт. Пространство – это, по сути, вмещенное, допущенное в границы. Вмещенное всегда допущено, и таким образом соединено, собрано местом, то есть вещью вроде моста. *Соответственно пространства получают свою сущность из мест, а не из «пространства».*

Вещи, которые как места допускают наличие определенных месторазмещений, мы условно называем зданиями. Они так называются, потому что произведены путем возводящего строительства. Однако, каким должно быть производство, то есть строительство, мы узнаем только после того как рассмотрим сущность тех вещей, для изготовления которых необходимо строительство. Эти вещи являются местами, которые предоставляют место-размещение четверице. Связь между местом и пространством заложена в сущности этих вещей, но также и в отношении места к человеку, который в нем пребывает. Теперь попытаемся прояснить сущность этих вещей, которые мы называем зданиями, кратко рассмотрев следующее.

С одной стороны: какова связь места с пространством? А с другой стороны: какова связь человека с пространством?

Мост – это место. Как таковая вещь, он позволяет быть пространству, куда допущены земля и небо, божественное и смертные. Пространство, которое дозволено мостом, содержит множество мест в различной близости и удаленности от моста. Эти места, однако, можно рассматривать как простые позиции, между которыми существует измеримое расстояние; это расстояние – по-гречески “στάδιον”, которое всегда высвобождается именно простыми позициями. Пространство, высвобожденное позициями, является пространством особого рода – как расстояние, стадион, которые являются, как говорит нам слово стадион на латыни – “spatium”, пространством между (*Zwischenraum*). Таким образом, близь и даль между людьми и вещами могут стать просто отдалениями, промежутками. В пространстве, которое представлено как *spatium*, мост теперь проявляется как простое нечто, размещенное в определенной позиции. Эта позиция всегда может быть занята чем-то другим или заменена путем простой маркировки. Более того, из пространства как пространства между можно выделить простые измерения высоты, ширины и глубины. Это, так сказать, выделенное, по-латыни *abstractum*, мы представляем как чистую множественность трех измерений. Однако то, что вмещает эта множественность, более не определяется расстояниями, это уже больше не *spatium*, а только *extensio* – растяжение. Но и из пространства как *extensio*, однако,

возможна дальнейшая абстракция на основе аналитико-алгебраических отношений. То, что они высвобождают, это возможность чисто математического построения множественностей с любым числом измерений. Это математически высвобожденное – можно назвать «пространством». Но «данное» пространство в этом смысле не содержит пространств и мест. Мы никогда не найдем в нем мест, то есть таких вещей как мост. Однако с другой стороны, в пространствах, которые высвобождены местами, всегда находится пространство как «пространство между», а в нем еще пространство как чистое расширение. *Spatium* и *extensio* всегда дают возможность измерить вещи и то, что они высвобождают, в соответствии с расстояниями, протяженностями, направлениями. Но тот факт, что они *универсально* применимы ко всему, что имеет расширение, ни в какой мере не делает числовые величины *основанием* для сущности пространств и мест. Каким образом в связи с этим современная физика вынуждена представлять пространственную среду космического пространства как единство поля, которое определяется телом как динамический центр, не может быть здесь обозначено.

Пространства, через которые мы проходим каждый день, высвобождены местам; их сущность коренится в вещах, таких как здания. Если мы обратим внимание на эти отношения между местом и пространствами, между пространствами и пространством, тогда мы сможем остановиться, чтобы рассмотреть отношения между человеком и пространством.

Когда речь идет о человеке и пространстве, это звучит так, как будто человек стоит на одной стороне, а пространство – на другой. И все же пространство для человека не напротив. Пространство для него и не внешний предмет, и не внутреннее переживание. Не бывает людей так, чтобы кроме того имелось еще *пространство*, ибо если я говорю «человек» и подразумеваю того, кто существует по способу человека, то есть *жительствоует*, то я этим словом «человек» уже наименовал местопребывание внутри четверицы при вещах. Даже если мы связываем себя с теми вещами, которые от нас удалены, мы все равно остаемся при вещах. Мы представляем далекие вещи не просто у себя в голове, как нас однако этому учат, чтобы в наших головах оставались лишь заменители вещей, то есть представления о них. Но если все мы сейчас подумаем о старом мосте в Гейдельберге прямо отсюда, из этого места, то мышление, направленное к этому месту будет не просто опытом присутствующих здесь людей, но в большей мере будет относиться к сущности нашего мышления *в сторону* упомянутого моста, таким образом, что это мышление *в себе*

преодолевают расстояние до этого места. Мы исходим отсюда, от этого моста, а не от содержания представления в нашем сознании. Отсюда мы можем даже быть намного ближе к этому мосту и тому, что он высвобождает, чем тот, кто использует этот мост ежедневно, равнодушно переходя через реку. Пространства и вместе с ними “данное” пространство всегда уже высвобождено в пределы пребывания смертных. Пространства открываются тогда, когда их впускают в человеческое жительство. Сказать, что смертные *есть* – это значит, что *жительства*, они преодолевают пространства в силу их пребывания среди вещей и мест. И только потому, что смертные соответственно своей сущности преодолевают пространства, они могут пространства проходить. Но, в прохождении, мы не отказываемся от их преодоления. Скорее, мы всегда проходим через пространства таким образом, что при этом уже преодолеваем их, постоянно пребывая среди ближних и дальних мест и вещей. Когда я иду к выходу из зала, я уже нахожусь там, и я не мог бы туда войти, если бы я уже не был там, как я есть. Я никогда не существую только здесь как это инкапсулированное тело, скорее, я там, то есть я уже преодолеваю пространство, и только тогда я могу пройти через него.

Даже когда смертные уходят «в себя», они не оставляют свою принадлежность к четверице. Когда, как мы говорим, мы приходим в себя, мы возвращаемся к себе из вещей, *не замечая* нашего пребывания при вещах. Даже, потеря связи с вещами, которая происходит в состоянии депрессии, была бы совершенно невозможна, если такое состояние не было таким как человеческое состояние: а именно пребыванием *при* вещах. Только если это пребывание уже определяет человеческое существо, тогда вещи, среди которых мы пребываем могут *не* обнаруживаться и *не* беспокоить нас больше.

Отношение человека к местам и через места к пространствам основано на жительствовании. Отношения между человеком и пространством – не что иное, как по существу продуманное жительство.

Когда мы размышляем о попытках установить связь между местом и пространством, а также об отношениях между человеком и пространством, свет падает на сущность вещей, которые являются местами и которые мы называем зданиями.

Мост – вещь такого рода: место допускает единственность земли и неба, божественных и смертных в место-размещение, путем размещения его в пространстве. Место высвобождает четверицу дважды. Место *допускает* четверицу и место *устанавливает* четверицу. Высвободить в значении допускать и высвободить в

значении устанавливать – оба этих значения соотносятся друг с другом. В качестве двойного высвобождения, место - это укрытие (*Hut*) четверицы, или как говорит то же самое слово: *Huis, Haus* - дом. Вещи такого рода, являются местами, которые приючают людей. Вещи такого рода – это жилища, хотя и не обязательно жилые дома в узком смысле.

Создание таких вещей – это строительство. Сущность его в том, чтобы оно соответствовало природе этих вещей. Это вещи являются местами, которые допускают пространства. Вот почему строительство, в силу того, что оно устанавливает места, оно также создает и объединяет пространства. Поскольку строительство устанавливает места, соединение пространств этих мест обязательно привносит с собой пространство, как *spatium* и *extensio* в структуру зданий. Одно только строительство никогда не формирует *пространство*. Ни прямо, ни косвенно. Тем не менее, поскольку оно производит вещи как места, строительство ближе к сущности пространств и сущности *пространства*, чем вся геометрия и математика. Строительство возводит места, которые предоставляют место-размещение четверице. Из той односложности, в которой земля и небо, божественные и смертные принадлежат друг другу, строительство *получает указание* для установления мест. Из четверицы строительство *перенимает* стандарт для всех измерений и замеров пространств, каждое из которых высвобождено предоставленными местами. Здания охраняют четверицу. Это вещи, которые по-своему щадят-хранят четверицу. В спасении земли, в восприятии неба, в ожидании божественных, в сопровождении смертных совершается событие жительствоваания – как четверосложенного хранения-щажения четверицы, Таким образом, подлинные здания характеризуют жительствоваание в его сущности и приючают ее.

Характеризуемое таким образом здание является превосходным для жительствоваания. Если оно *является* таковым, то строительство *было* осуществлено в соответствии с запросом четверицы. Все планирование основывается на этом запросе, и планирование в свою очередь, открывает подходящие участки для проектов.

Как только мы попытаемся мыслить сущность конструирующего строительства, с точки зрения жительствоваания, нам станет ясно, в чем заключается процесс производства (*das Hervorbringen*), с помощью которого осуществляется строительство. Обычно мы воспринимаем производство как деятельность, результатом которой является законченное здание. Но можно представить себе

производство следующим образом: мы постигаем что-то, что является правильным, и тем не менее никогда не сталкиваемся с его сущностью, которая является привнесением (*Herbringen*), которое что-то претворяет. Так строительство привносит четверицу в вещь, мост, и претворяет эту вещь как место в уже существующее, которое теперь впервые высвобождается только *через* это место.

В переводе с греческого «производить» – $\tau\epsilon\chi\omega$. Слово $\tau\epsilon\chi\eta$, техника имеет корень $\tau\epsilon\varsigma$ от этого глагола. Для греков $\tau\epsilon\chi\eta$ – не искусство и не ремесло, а то, что заставляет что-либо проявляться в настоящем тем или иным образом. Греки думают о $\tau\epsilon\chi\eta$, как о производстве, позволяющем проявление. Трактующее таким образом $\tau\epsilon\chi\eta$ скрывается в тектонике архитектуры с незапамятных времен. В последнее время оно скрыто еще более решительно в техническом силовых машин. Но сущность строительного производства не может быть адекватно понята ни с точки зрения архитектуры, ни с точки зрения техники строительства, не от простого их сочетания. Строительное производство *также не было бы* адекватно определено, даже если бы мы думали об этом, исходя из первоначального значения греческого $\tau\epsilon\chi\eta$, *только* как о позволяющем проявление (*Erscheinenlassen*), которое привносит произведенное, как нечто настоящее, среди вещей, которые уже присутствуют.

Суть строительства в предоставлении жительствоваания (*das Wohnenlassen*). Суть строительства заключается в установке мест путем объединения их пространств. *Только если мы можем жительствовать, мы можем строить*. Представим сельский двор в Шварцвальде, который два века назад был построен для проживания крестьян. Здесь настойчивость силы, позволяющей простыми и легким путем допускать землю и небо, смертных и божественных в односложность вещи, удерживала дом в порядке. Двор размещен на защищенном склоне холма, смотрящем на юг между лугами, недалеко от родника. Дому дана широкая черепичная крыша, правильный наклон, которой нес груз бремени снега и защищал от штормов долгими зимними ночами. Не был забыт “красный угол” с алтарем позади общего обеденного стола; в доме были специальные освященные места для детской кроватки и древа мертвых, так назывался гроб, допущенный в комнаты, и поэтому разные поколения были под одной крышей, как и вехи их жизни, отмеченные временем. Ремесло, которое возникло из жительствоваания, тогда еще нуждалось в инструментах и помостах как в вещах, которые помогали строить двор.

Только если мы можем жить, мы можем строить. Такой пример – крестьянский двор в Шварцвальде, к которому мы не можем, однако, вновь вернуться, но *былое* проживание может наглядно показать нам, как *оно* способно было строить.

Но проживание – это *фундаментальная черта* бытия, согласно которой смертные есть. Возможно, эта попытка размышлений о проживании и строительстве немного яснее покажет, что строительство принадлежит проживанию и как оно получает от него свою сущность. Но достаточным будет уже и признание того факта, что проживание и строительство являются *достойными вопрошания* и, таким образом, остаются *достойными мысли*.

Но само это мышление, как и строительство, только несколько иначе, принадлежит проживанию, что также было засвидетельствовано способом мышления, предпринятым здесь.

Строительство и мышление по-своему необходимы для проживания. Но и то, и другое являются недостаточными для проживания, если они действуют отдельно, а не прислушиваются друг к другу. Они способны слушать друг друга, если и строительство, и мышление принадлежат проживанию, оставаясь в своих границах и зная, что одно и другое, происходит из мастерской многолетнего опыта и непрестанной практики.

Мы пытаем мыслить о сущности проживания. Следующим шагом на этом пути будет вопрос: каково состояние проживания в наше беспокойное время? Со всех сторон и не без основания мы слышим разговоры о нехватке жилья. Об этом не просто говорят, но и принимают действия. Предпринимаются попытки исправить ситуацию путем поддержки жилищного строительства, планирования всей строительной отрасли. Каким бы трудным и горьким, сдерживающим и угрожающим не было отсутствие жилья, однако, *реальная проблема проживания* состоит не только в нехватке квартир. На самом деле бедственная ситуация проживания в действительности старше, чем мировые войны с их разрушениями, более древняя, чем рост населения Земли и проблемы положения промышленных рабочих. Настоящее бедствие заключается в том, что смертные всегда заново ищут природу проживания, но они *должны сначала научиться жить*. Что если бездомность человека состоит в том, что он думает о *реальном* дефиците жилья совсем не *как о* чрезвычайной ситуации? Но как только человек *обдумывает* бездомность, он больше не страдает. Эта бездомность, обдуманная и правильно учтенная – это единственный

вызов, который призывает смертных в свое жительство. Но как еще смертные могут ответить на этот вызов, если не попыткой *со своей* стороны вернуть жительство в полноту его сущности? Этого они достигают, когда строят, исходя из жительствоваания и думают ради жительствоваания.